

Е.К. РОМОДАНОВСКАЯ

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ В СИБИРСКИХ ЧЕЛОБИТНЫХ XVII в.

Вопрос о литературной специфике документов нов в нашей науке. Уже неоднократно писали о стилистике грамот, о их структуре¹, о их влиянии на формирование собственно литературных жанров², в первую очередь пародии (демократической сатиры)³, публицистики⁴, а в последнее время — и агитации⁵. Как известно, именно в документе — прежде всего в следственных делах — появляются зачатки художественного (литературного) словесного портрета⁶, а в описях земельных угодий — пейзажа.

¹См., например: *Назаревский А.А.* О литературной стороне грамот и других документов Московской Руси начала XVII века. Киев, 1961; *Данилов В.В.* Некоторые приемы художественной речи в грамотах и других документах Русского государства XVII века // ТОДРЛ. М.; Л., 1955. Т. 11. С. 209—217; *Демин А.С.* Челобитные Аввакума и одна из неисследованных традиций деловой письменности XVII в. // ТОДРЛ. М.; Л., 1970. Т. 25. С. 220—231.

²См.: *Дробленкова Н.Ф.* Взаимоотношение литературы и деловой письменности в XV в. (Постановка вопроса) // Пути изучения древнерусской литературы и письменности. Л., 1970. С. 56—65.

³*Адрианова-Перетц В.П.* Очерки по истории русской сатирической литературы XVII в. М.; Л., 1937.

⁴См., например: *Каган М.Д.* Легендарный цикл грамот турецкого султана к свропейским государям — публицистическое произведение второй половины XVII в. // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 15. С. 225—250; *Дробленкова Н.Ф.* «Новая повесть о преславном Российском царстве» и современная ей агитационная патриотическая письменность. М.; Л., 1960; *Демин А.С.* Писатель и общество в России XVI—XVII веков. (Общественные настроения). М., 1985. С. 162—163.

⁵См.: *Демин А.С.* Писатель и общество... С. 163; *Ромодановская Е.К.* Русская литература на пороге Нового времени: Пути формирования русской беллетристики переходной эпохи. Новосибирск, 1994. С. 88—96.

⁶См.: *Полосин И.И.* Древнерусский литературный портрет // Полосин И.И. Социально-политическая история России XVI—начала XVII в. М., 1963. С. 246—262; *Кучкин В.А.* Словесный портрет русского человека XIV века // In memoria: Сборник памяти Я.С. Лурье. СПб., 1997. С. 210—216.

Одним из наиболее важных исследований в этой области, несомненно, является книга А.А. Назаревского⁷. Сославшись на удачное замечание В.В. Данилова о том, что «можно было бы повторить почти всю теорию художественного стиля на примерах, взятых из московских грамот»⁸, автор рассматривает самые разнообразные аспекты литературного стиля в документах: типы повествовательной речи, торжественно-риторический стиль, деловые и литературные трафареты, случаи применения рифмы и разного рода характеристики упоминаемых лиц.

А.А. Назаревский закономерно поставил вопрос не только о влиянии документа на литературу, но и об обратном влиянии — литературы на документ. По его мнению, «художественные приемы тогдашней книжной речи, а иногда и речи народной достаточно широко отражались в документах XVII в.», потому что, «чем начитаннее, искуснее, талантливее был составитель грамоты, тем больше и лучше он мог проявить себя в официальном документе с литературной стороны»⁹. Впрочем, описание стилистики грамот и здесь существует как бы само по себе, почти вне контекста художественных памятников.

Опираясь на большой массив опубликованных источников, А.А. Назаревский фактически не делает различий между разными типами документов, ставя в один ряд и служебные донесения, и публицистические грамоты — послания высших властей (как царей, так и церковных иерархов), и челобитные, и немногие частные письма. Между тем, если говорить о художественной специфике, каждый из отмеченных документальных жанров отличается собственными задачами и соответственно особой структурой и стилистикой. Внимательное рассмотрение даже одного типа документа — челобитных — позволяет выделить и здесь массу разновидностей, отличающихся стилистикой и специфической лексикой¹⁰. Поэтому наблюдения А.А. Назаревского, чрезвычайно важные в целом, нуждаются в уточнении и определенной детализации. Помимо того, он почти не привлекает тексты

⁷ Назаревский А.А. О литературной стороне грамот...

⁸ Данилов В.В. Некоторые приемы... С. 215.

⁹ Назаревский А.А. О литературной стороне грамот... С. 4 (Курсив мой. — Е.Р.).

¹⁰ Волков С.С. Лексика русских челобитных XVII века: Формуляр, традиционные этикетные и стилевые средства. Л., 1974. С. 11—13.

сибирских деятелей XVII в.¹¹ Между тем анализ документов сибирского происхождения позволит выявить имена и факты, имеющие значение для истории начального этапа местной литературной традиции.

В настоящей работе мне хочется сосредоточить внимание, оставив в основном в стороне общие вопросы стиля, на чисто литературных элементах двух челобитных, написанных в Тобольске. Обе они содержат просьбу освободить автора от высокой должности и позволить вернуться из Сибири на Русь. Первая из них отправлена тобольским архиепископом Нектарием¹² некоему «господину Ивану Михайловичу», который должен был хлопотать о нем перед царем, не позднее 1636 г.¹³ Текст ее был опубликован в журнале «Русский архив»¹⁴ и заново подготовлен к печати по современным правилам¹⁵. Вторая, публикуемая в приложении к настоящей статье, послана царю Алексею Михайловичу тобольским воеводой Иваном Репниным¹⁶ в марте—апреле 1672 г. и сохранилась в делах Сибирского приказа.

¹¹О литературной стороне сибирских документов почти ничего не писали; в качестве редкого исключения можно указать: *Демин А.С.* Для чего Аввакум написал первую челобитную? // ТОДРЛ. Л., 1969. Т. 24. С. 233—236.

¹²О Нектарии см.: *Словарь книжников и книжности Древней Руси*. Вып. 3: XVII век. Ч. 2. СПб., 1993. С. 374—376.

¹³Я уже неоднократно писала о ней в связи с характеристикой Нектария как писателя, см.: *Ромодановская Е.К.* Русская литература в Сибири первой половины XVII века. (Истоки русской сибирской литературы). Новосибирск, 1973. С. 62—65; *Она же.* Эпистолярное наследие сибирских архиереев XVII века // *Гуманитарные науки в Сибири*. 1998. № 4. С. 13—16.

¹⁴Черты монастырского быта в XVII в. Письмо архиепископа Сибирского Нектария и шутовская челобитная Колязинских монахов // *Русский архив*. 1878. № 9. Стб. 1770—1782.

¹⁵*Литературные памятники Тобольского архиерейского дома XVII века*. Новосибирск, 2001. С. 279—281. Там же публикуется и официальная челобитная Нектария царю Михаилу Федоровичу, более сдержанная и потому менее интересная в литературном отношении (с. 390—391).

¹⁶Боярин князь Иван Борисович Репнин, тобольский воевода в 1670—1672 гг., в 1679—1697 гг. был судьей Сибирского приказа. Уехал из Сибири в ноябре 1672 (7181) г. (См.: *Вершинин Е.В.* Воеводское управление в Сибири (XVII век). Екатеринбург, 1998. С. 133, 173). Его отец, Борис Александрович Репнин—Оболенский (умер 17 мая 1670 г.), был видным государственным, политическим и военным деятелем в царствования Михаила Федоровича и Алексея Михайловича. — См. о нем: *Советская историческая энциклопедия*. М., 1969. Т. 12. Стб. 15.

Сходство ситуаций и использование единого типа документа помогает при сравнении нагляднее показать индивидуальные черты каждого из них; при этом необходимо иметь в виду, что общей спецификой жанра челобитных является не только сообщение определенной информации, как в других документах, но и стремление адресанта «воздействовать на чувства того лица, к которому обращались с просьбой, жалобой, искомым заявлением»¹⁷. Именно поэтому в рассматриваемых текстах общей чертой является гиперболизация в описаниях бедствий, подчеркнута невыносимость для автора существующего положения — из-за нарушенного духовного обещания (Нектарий) или же из-за разорения имения после кончины отца (Репнин).

Нектарий, как мне уже приходилось писать¹⁸, восхищенно перечисляет все тяготы монастырской жизни и побои, какие терпел он от настоятеля. Причем здесь в наибольшей степени сказалось его пристрастие к стилистически окрашенной и ритмически организованной речи, к игре словом, прекрасное владение риторикой, книжный характер его образованности:

...Учил клюкою и остном прободал, и мелном, коим в жерновы мелют муку, и пестом, что в ступе толкут, и кочергою, что в печи углие гребут, и поварнями, что еству варят, и рогатками, что роствор на хлебы, или на просфоры, и на пироги в сосудех бьют, чтоб хлебы или просфоры, и пироги белы были. Того ради и тело мое начальник бил, чтоб душа моя темная светла была и бела, а не черна ... древом из ногу моею икра выбита, чтоб ноги мои на послушание Христа ради готовы были. ... И не токмо древом всяким, но и железом, и камением, и за власы рванием, но и кирпичем, и что прилучилося в руках его, чем раны дать, и что тогда очи его узрят... тем душу мою спасал, а тело смирял...

И в то время персты моих рук из суставов выбиты, и ребра мои и кости переломаны, и ныне немощен и скорбен, чаю себе вскоре смерти...¹⁹

Эти тирады Нектария, несомненно, преследуют ясную цель — показать, что просьбы о возвращении в монастырь вызваны совсем не сладостью тамошней жизни, правда, давно про-

¹⁷ Волков С.С. Лексика русских челобитных... С. 22.

¹⁸ Ромодановская Е.К. Русская литература... С. 56—57.

¹⁹ РГБ, собр. Пискарева, № 185, л. 346 об.—347 об.

шедшей, поскольку к моменту назначения на тобольскую кафедру сам он уже занимал место настоятеля и, должно быть, так же поучал молодых монахов.

Все описания тягот у Нектария не только, как уже говорилось, явно гиперболизированы, но «литературны» по своему характеру: помимо отмечавшейся игры словом — риторически организованной речи, любования ритмом и неожиданными сравнениями — в них просматриваются не столько реальные факты и события, сколько определенная этикетная ситуация, неоднократно воспроизводившаяся в литературе. Мотив физических истязаний характерен для агиографических жанров, прежде всего для жития-маририя, где герой терпит муки от язычников за свою приверженность христианству. Однако встречается и ситуация, сходная с описанной тобольским владыкой, когда молодого послушника истязает (с целью приучить к терпению) сам его наставник. Ярким примером этого может служить житие Акакия Синайского, читающееся в Прологе и Лествице Иоанна Синайского²⁰ и, несомненно, известное Нектарию. Скорее всего, именно оно и сходные с ним произведения послужили литературным источником для автора челобитной.

Нектарий умеет разными способами обрисовать себя подвижником, пустынножителем, далеким от мирских забот²¹, и немалую роль играет здесь использование традиционных художественных образов. Существенно при этом, что образы эти выбираются прежде всего из житийной традиции — в какой-то мере создавая почву для будущего прославления и самого автора челобитной.

И.Б. Репнин в своем тексте гораздо проще и строже. У него нет так любимых Нектарием длинных ритмических периодов, нет и ярких художественных находок²². Однако и он явно ис-

²⁰Память 27 ноября, см.: *Державина О.А., Демин А.С., Капица Ф.С.* Материалы к научному описанию старопечатного Пролога // Литературный сборник XVII века: Пролог. М., 1978. С. 201 («Иоанна Лествичника об Акакии Синайском, юноше, жившем у злого старика и терпевшем от него брань и побои»).

²¹См.: *Ромодановская Е.К.* Эпистолярное наследие...

²²Правда, в данном случае надо учитывать разных адресатов челобитных: Репнин обращается с просьбой к государю, а Нектарий пишет кому-то из своих друзей, следовательно, перед нами послания разного типа: официальное прошение и хлопоты о частном ходатайстве. Подтверждением этой мысли служит разница между текстами самого Нектария об одном и том же — официальной челобитной Михаилу Федоровичу и разбираемым посланием «господину моему Ивану Михайловичу».

пользует книжные образцы. Так, говоря о близящейся кончине своего отца, боярина Бориса Александровича Репнина, автор применяет метафорический оборот: «видя себя пуста и старость свою в жатву преклонюся и к резанию готовещу по всяк час».

Подобные метафоры (смерть — жатва) известны в русской литературе с древнейших времен; хрестоматийным стал возглас юного Глеба, молящего своих убийц: «не пожнете мене отъ жития не съзърѣла, не пожнѣте класа, не уже съзърѣвъша, нъ млеко безъловия носяща!»²³ Образ смерти как жатвы, несомненно, связан с библейскими источниками²⁴. Он характерен прежде всего для Апокалипсиса (см.: «Посли серп твой и жни, яко прииде час пожати: зане изсше трава земная» (Апок. 14: 15)). Именно оттуда, по-видимому, этот образ через переводную византийскую литературу был воспринят в Древней Руси²⁵ и стал одним из самых употребительных прежде всего в агиографических жанрах и гимнографии: помимо уже цитировавшегося Сказания о Борисе и Глебе символические картины жатвы встречаются в Житии Феодосия Печерского, Киево-Печерском патерике, Житии Стефана Пермского²⁶.

Судя по всему, боярин Репнин, как и Нектарий, при выборе литературных источников опирался прежде всего на агиографическую традицию. Однако, в отличие от архиепископа, у него не было ни откровенных, ни скрытых целей собственного прославления (да и метафора применена при рассказе не об авторе, а об его отце). Создается впечатление, что художественный троп возникает у него не ради эстетических принципов, а как итог образованности, постоянного пребывания в том состоянии, когда более или менее распространенные в литературе обороты и фразы постоянно «на слуху», «в голове» и сами попадают в тексте на должное место.

²³Памятники литературы Древней Руси: XI—начало XII века. М., 1978. С. 292.

²⁴В фольклорной традиции, отразившейся и в «Слове о полку Игореве», употребительнее в той же системе «земледельческих» символов изображение смертной битвы как *посева*: земля подь копыты костьми была посѣяна, а кровию поляна, тугую въздоша по Рускои земли (Слово о полку Игореве. Л., 1967. С. 48). См. об этом: *Адрианова-Перетц В. П.* Очерки поэтического стиля Древней Руси. М.; Л., 1947. С. 60—61.

²⁵*Адрианова-Перетц В. П.* Очерки поэтического стиля... С. 69—70.

²⁶Там же. С. 64—66.

По-видимому, не менее естественны для Репнина и многократные реминисценции евангельских текстов, постоянное обращение к евангельским образам, мольба к царю быть столь же милостивым, как Христос: «*Преклони на милость преклоншаго ради небеса и сошедшаго на землю и кровь свою пролившаго ради спасения. Прими, государь, горькие рождшей моей и мое бедные слезы и вздыхания, яко Христос мытаревы. Буде есть грешным покаяние, отпусти связана настоящими нуждами, яко пленника во отраду*».

Обращение к образу милостивого Христа тем более существенно, что в самом начале челобитной идет прямое сопоставление царя и Бога: «*Должная наша тебе, великому государю, работать и до конца живота своего, как Богу*».

Такое сопоставление, прямое уподобление Алексея Михайловича если не Христу, то его небесному патрону, святому Алексею человеку божью, стало обязательным в литературе начала 1670-х годов²⁷. Уверенный в богоустановленности и боговдохновенности собственной власти, царь Алексей сам отождествлял государевы дела с Божьими, т. е. приравнивал себя к Богу. Так, он мог писать ослушавшемуся его боярину: «*[Ты] дело Божье и наше государево потерял, потеряет тебя самого Господь Бог*»²⁸.

Сакрализация царской власти²⁹, охватывающая разные уровни культуры и общественного сознания, нашла в эти годы наивысшее выражение в церковном молении за царя и в официальной титулатуре, в которой появились слова «*благочестивейший*» и «*святой*», что так возмущало протопопа Аввакума: «*А ныне у них все накое да поперег; жива человека в лице святым называй: коли не пропадет. ...От века несть слышано, кто бы себя велел в лице святым звати, разве Навходоносор Вавилонский!*»³⁰

²⁷См.: Ромодановская Е. К. Повести о гордом царе в рукописной традиции XVII—XIX веков. Новосибирск, 1985. С. 96—102.

²⁸Гурлянд И. Я. Приказ великого государя тайных дел. Ярославль, 1902. С. 239 (курсив мой. — Е. Р.).

²⁹См. об этом: Успенский Б. А. Царь и самозванец: самозванчество в России как культурно-исторический феномен // Художественный язык средневековья. М., 1982. С. 201—235.

³⁰Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. М., 1960. С. 154—155.

На этом фоне вполне понятно, что в челобитных, где, как говорилось, используются все возможные средства для того, чтобы «воздействовать на чувства» адресата, особенно часто встречается такое уподобление. Оттенки лести, самоуничужения, предельного возвеличивания царя наиболее удачно выражаются именно с помощью мотива *царь—Бог*. Приведем в качестве примера челобитную Гр. Всполохова: «К тебе, великому государю, прибегаю и ко пречестным твоим, *царя моего и владыки Божия Христа*, стоп ногу, растерзая сердце свое и утробу, смиренно припадаю и на пречистоя твоя, помазанника Божия, ноги не миро многоценное возливаю, но, вместо мира, *яко оная блудница, притекшая ко владыце своему Христу*, возливаю ти, раб твой, горькия своя и убогия слезы»³¹.

Как видим, челобитье Гр. Всполохова строится по тому же принципу, что и челобитная князя Репнина: уподобление царя Христу и реминисценции евангельских ситуаций. Вполне возможно, что эти приемы делаются «общим местом», штампом соответствующих документов — проверить это на массовом материале еще предстоит. Если это действительно так, то сибирский воевода не слишком оригинален в своем произведении. Однако, поскольку подобные сравнения пока отмечаются только в индивидуальных, авторских челобитных, отражающих далеко не стандартные ситуации, то их, скорее, надо считать этикетным мотивом, требующим от автора и образованности, и начитанности, и умения владеть словом.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Челобитная И.Б. Репнина, 1672 г.

Публикуется по оригиналу, сохранившемуся в столбцах Сибирского приказа; датируется, скорее всего, мартом 1672 г.: в тексте упоминается царская грамота, посланная в ответ на предшествующее челобитье 27 февраля 1672 г., а на л. 19 об. сохранилась помета о приеме настоящей челобитной в Сибирском приказе: 180-го апреля в 18 день подана.

л. 19   Государю царю и великому князю Алексею Михайловичу, всеа Великия и Малыя Росии самодержцу, холоп твой Ивашко Репнин челом бьет.

В нынешнем во 180-м году февраля в 27 день в твоей, великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича,

³¹ Гурлянд И.Я. Приказ великого государя... С. 237 (курсив мой. — Е.Р.).

- всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца, грамоте ис Сибирского приказу за приписью дьяка Григорья Порошина писано ко мне, холопу твоему: Бил челом тебе, великому государю, я, холоп твой, чтоб ты, великий государь, пожаловал, велел меня, холопа своего, ис Тоболска переменить. И ты, великий государь, пожалуешь, велишь переменить меня, холопа своего, во 181-м году. И в том твоя, великого государя, воля. Должная наша тебе, великому государю, работать и до конца живота своего, как Богу.
- л. 20 Известно тебе, великому государю, // что и отцу твоему государеву, блаженные памяти государю царю и великому князю Михаилу Феодоровичю всеа Руси, и тебе, великому государю царю и великому князю Алексею Михайловичю, всеа Великия и Малыя Росии самодержцу, отец мой, боярин князь Борис Александрович служил многолетно и мало не до гробу. Своего // дому не знал, а не искал ни в ком помощи, oprичь вашей государской милости. И за то многую принел ненависть и огласку, и терпенья.
- л. 22^a И я, холоп твой, многие годы волочюсь безответно и работаю тебе, великому государю, во всяких делех неленостно и безкорыстно, безо всяких прихотей. На то есть свидетель верен, Всевидщее Ока. И жителем тех мест, где я, холоп твой, был, и нине сибирцом ведомо.
- А как по твоему, великого государя, указу сказано мне в Сибирь, и в то время бил челом тебе, великому государю, отец мой, [с]^б смертнава своего одра выезжал, чтоб ты, великий государь, пожаловал для ево конечной // болезни и одиночества, посылать меня, холопа своего, в Сибирь не велел. И о том, что не получил твоей государской милости, видя себя пуста и старость свою в жатву преклонщуся и к резанию готовешу по всяк час, рвался и неутешно плакал, распалаяся по мне отеческою утробю, не щедя живота своего.
- И после высылки моей, холопа твоего, с Москвы не стало ево волею праведною Божиєю вскоре. А мне, холопу твоему, когда ево видел // и отеческаго благословения и последнего прощения принять, против приказу души ево построить, и по се время за согрешения мое Бог не сподобил.
- л. 24 И ныне в домишку вдовствует и во всяких находящих напастех в конешной своей старосты живот свой мучит мать моя бедне, не имея ни малые от горя своего отрады, разве горких

^aЛ. 21 пропущен при нумерации.

^бДоб., в тексте пропущено.

своих бедных слез и воздыхания. Уже тому горкому ее тер // л. 25 пению мало не два года.

А мне, холопу твоему, с тех бед болезнь множитца и вижу мало, и насилу брожу, и память р[у]шитца^в, и весь дряхл^г, в забвении шатаюсь. Ей-ей, государь, не ложно, и всем людем то в Tobолску видимо. Да я жь, холоп твой, ис приказов на Москве оскорблен многими делы, з деревнишек поборы емлют, и дворишка и деревнишка отнеты. А которые, государь, наперед сего моя братья в Сибири у ваших государских дел не бывали, и тем в делах было отсрочено и поборов с них не имано. А побить челом тебе, великому государю, за меня, холопа твоего, некому. От всех пуст и наг всякие помощи, безсемейство и одиночество мое тебе, великому государю, известно.

Милостивый государь царь и великий князь Алексей Михайлович, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержец, пожалуй меня, безсемейнова и беспомочнова холопа своего! л. 26 Преклони на милость преклоншаго ради небеса и сошедшаго на землю и кровь свою проливашаго ради спасения. // Прими, государь, горкие рождшей моей и мое бедные слезы и воздыхания, яко Христос мытаревы. Буде есть грешным покаяние, отпусти связана настоящими нуждами, яко пленника во отраду. Вели, государь, меня, холопа своего, свободить ис Tobолска к Москве и видеть свои государские очи. Ты, государь, по Бозе нам, сирым, милостивой избавитель.

Государь царь, умилосердися, помилуй. //

*РГАДА, ф. 214, Сибирский приказ,
стб. 569, л. 19—26.*

^в Испр., в тексте ршитца.

^г Испр, в тексте дряхл.